

И. Н. Юркин

ИВАНОВСКИЙ КАНАЛ: ЭВОЛЮЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЯ — МАТЕРИАЛЬНЫЕ И НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ

doi: 10.30759/1728-9718-2020-2(67)-78-88

УДК 94(470)

ББК 63.3(2)

В статье рассмотрен культурный ландшафт берегов Верхнего Дона, сформировавшийся при Петре I в ходе строительства Ивановского канала и в дальнейшем изменявшийся в процессе продолжавшегося антропогенного вмешательства. Дан краткий очерк истории канала. Учтены поздние (середины — второй половины XX в.) изменения ландшафта, обусловленные развернувшейся на этой территории промышленной добычей бурого угля. Культурная деятельность рассматривается одновременно и как причина, и как результат переработки ландшафта. При этом выделены источники и цели воздействия на среду, показано, к чему оно приводило. Рассмотрены важнейшие антропогенные факторы, влиявшие на трансформацию ландшафта. Перечислены формы отражения: в ландшафте — культурной деятельности, в восприятии человека, в его индивидуальной картине мира — культурного ландшафта. Рассмотрены свидетельства сознательного увековечения исторических событий (коммемораций), в том числе через культурное воздействие на ландшафт. Показано, как менялось массовое представление об исторических событиях, в том числе под влиянием их трактовок в художественной литературе (на примере повести А. Платонова «Епифанские шлюзы»). Культурный ландшафт рассмотрен и как исторический источник: на материале Верхнего Дона показано, какая информация и как может быть получена при полевом изучении ландшафтов. Приведены данные исследований, проведенных в ходе экспедиций по трассе канала, участие в которых принимал автор статьи.

Ключевые слова: *Ивановский канал, петровская модернизация, природный ландшафт, культурный ландшафт, коммеморация, исторический источник, А. Платонов*

Введение

Более десятилетия автор статьи участвует в исследованиях, посвященных истории Ивановского канала — инфраструктурного проекта XVIII–XIX вв., целью которого являлось соединение Дона с реками бассейна Оки. На трассе водной дороги, проложенной от Тулы до границы нынешней Рязанской области, были построены многочисленные гидротехнические сооружения. Со временем их остатки превратились в элементы ландшафта, что в контексте решавшихся в ходе исследования задач и определило обращение к его изучению.

Ландшафт Верхнего Дона в ходе строительства канала подвергся сильному антропогенному воздействию, после чего продолжал изменяться. Долгое время оставаясь ландшафтом преимущественно природным, с начала XVIII в. он постепенно превращался в культурный, запечатлевал взаимодействие человека со средой, разнообразное по формам, интенсивности и последствиям. Если история кана-

ла внимание историков ранее привлекала,¹ то эволюция ландшафта данной территории прежде в литературе не описывалась.

Ранее нами рассматривался след, который в облике ландшафтов Тульского края оставила горно-металлургическая промышленная деятельность.² На отдельных участках по трассе Ивановского канала этот след также заметен. Но на других участках трансформации, обусловленные каналостроением, можно выявить изолированно.

В настоящей статье рассмотрены основные проявления этих изменений. Исследуются природные и культурные факторы, определявшие трансформацию ландшафта, и то, как измененный ландшафт в свою очередь влиял на чело-

¹ См.: Stuckenberg J. Ch. Beschreibung aller, im Russischen reiche gegrabenen oder projectirten, schiff- und flossbaren canaele... SPb., 1841; Миловидов А. И. Достопримечательные села Тульской губернии (исторические очерки). Село Иван-Озеро и Ивановский канал, начатый Петром Великим. Тула, 1892; Юркин И. Н. Петр Железный. Петр Великий и Тульский край: факты, гипотезы, документы. СПб., 2012. Исторический контекст можно представить по работе: Гапеев А. М., Кононов В. В. Водно-транспортные соединения России в XVII–XIX вв. // Журнал университета водных коммуникаций. 2009. № 1. С. 6–21.

² См.: Юркин И. Н. Промышленное предпринимательство доиндустриальной эпохи и трансформация ландшафтов: факторы и объекты влияния // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Тула, 2003. Т. 2. С. 324–345.

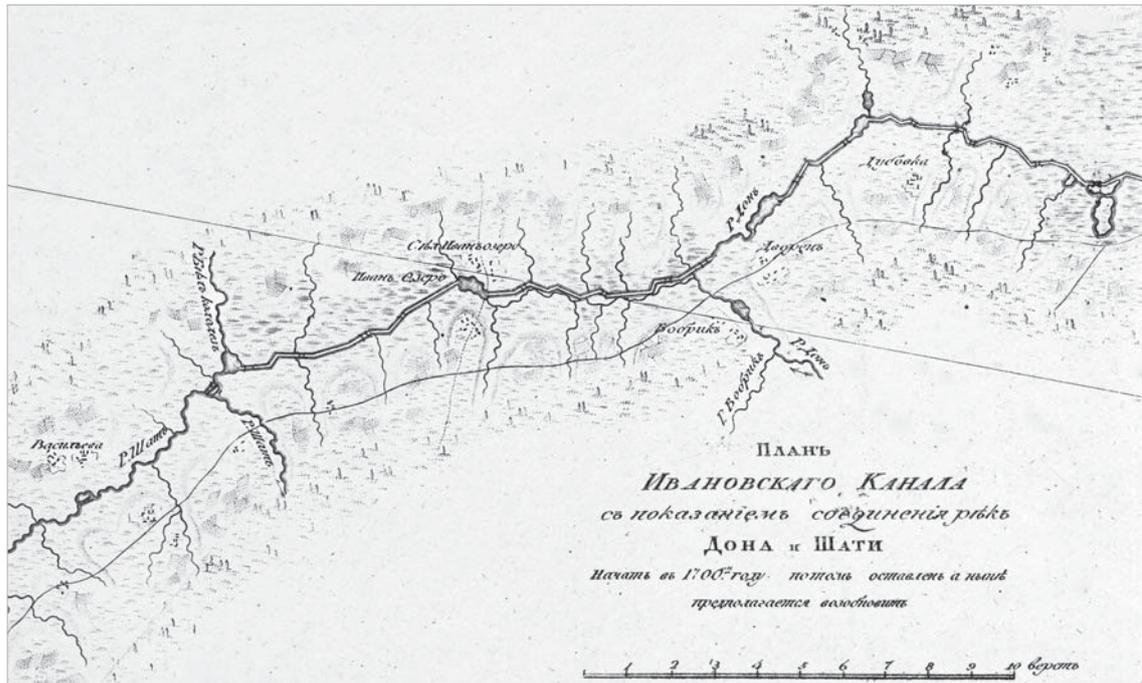


Рис. 1. Фрагмент плана Ивановского канала с показанием соединения рек Дона и Шати.

Источник: Гидрографический атлас Российской империи, составленный при Главном управлении путей сообщения. 1832

века. Затронут вопрос использования информации, полученной при изучении культурных ландшафтов.

Краткие сведения об истории Ивановского канала

Иван-озера, от имени которого получил свое название канал, в настоящее время не существует: в начале 1930-х гг. его поглотило Шатское водохранилище. Озеро представляло собой небольшой мелкий водоем, из которого вытекали р. Шат (приток Упы, притока Оки) и Дон.

Достоверных сведений о начале Дона географы долгое время не имели. Но истоки крупных рек: Нила, Амазонки, других — неизменно привлекали их внимание. О месте, где начинался Дон, писали античные географы, его изображали картографы Средневековья и раннего Нового времени. Их утверждения противоречивы, что отражает смутность существовавших представлений, их во многом умозрительный характер. Ряд авторов утверждал, что Дон вытекал из озера, по мнению некоторых — большого. В средневековых русских источниках присутствует его название (Иван-озеро), но информации о нем мало, а сведений о ландшафте окрестностей озера нет.³

³ См.: Юркин И. Н., Калита С. П. В поисках истока Дона: от античных географов до авторов первого его изображения // Вестн. Академии наук Чеченской республики. 2019. № 2 (45). С. 120–125.

Строительство Ивановского канала началось в августе 1701 г. Уже в октябре руководивший работами князь М. П. Гагарин в отписке, направленной в Разрядный приказ, отметил изменения характера местности: «...от Ивановского озера чрез сухое место к реке Дону перекопано, и вода в том канале немала, и лотки по тому перекопу ходят свободно».⁴ Освоение ландшафта не исчерпывалось созданием выемок для искусственных русел. Расчищались существующие русла р. Дон, Шата и Урванки, вдоль водотоков протягивались дамбы. В течение двух первых строительных сезонов было построено 7 шлюзов.

Неудачный Прутский поход 1711 г., лишивший Россию завоеваний в Приазовье, заставил отказаться и от главной цели канальной работы — обеспечения связи центра Европейской России с новыми территориями на юге. Канал строить продолжали, хотя темп работы снижался. Ее остановили в начале 1720-х гг. К этому времени трасса канала протянулась на 210 верст, число шлюзов было доведено до 33 (рис. 1).

В 1733 г. скопившиеся при Иван-озере «корабельные» материалы приказали перевезти в Тавровское адмиралтейство.⁵ Наступило затишье, продолжавшееся 80 с лишним лет. Вписанные в ландшафт гидротехнические сооружения охраняли, комиссионно осматривали

⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Ед. хр. 790. Л. 167.

⁵ См.: Миловидов А. И. Указ. соч. С. 28, 29.

(в 1733, 1745, 1763 гг.), однако шлюзы постепенно разрушались, чему способствовало строительство мельниц.

В первом десятилетии XIX в. канал решили достроить. Протяженность подлежащего шлюзованию участка русла увеличили, подобрали места для новых шлюзов (при этом учитывали не только природный, но и уже существовавший рукотворный рельеф), построили 3 шлюза на Шате. Но их пуск выявил низкое качество строительных работ, вследствие чего, а также из-за реорганизации учреждения,⁶ в ведении которого они состояли, строительство снова остановилось. Неопределенность в отношении судьбы проекта сохранялась до 1839 г., когда было принято окончательное решение его закрыть.⁷ Предложения возобновить строительство высказывались, впрочем, и позднее. Но дальше заявок с описанием подходов дело не шло.

Культурная деятельность как источник и результат переработки ландшафта

Определяя понятие природного ландшафта, исследователи, как правило, выделяют присущее ему качество «однообразия», т. е. однородности.⁸ Трасса Ивановского канала имеет протяженность свыше 200 км, в связи с чем могут возникнуть сомнения в правомерности отнесения долинно-речного природного комплекса берегов р. Дона и Шата к одному ландшафту. Вероятность отклонений возрастает, если учесть, что на среду воздействует человек. В нашем случае из наиболее существенных направлений воздействия — сельскохозяйственного, горнопромышленного и связанного со строительством канала — только первое охватывает большие площади и носит устойчивый характер. Прочие локальны и ограничены по длительности. Они могут нарушить однородность ландшафта. Но с другой стороны, однородность в ландшафте даже в идеальном случае (когда ничто неожиданное не вмешивается в его состояние) уживается с неоднородностью: справедливо замечено, что при внимательном взгляде специалист вычленяет в нем обладающие особенностями части, элементы.⁹

Учитывая, что горные работы велись в этом районе в отдалении от русла водотока и прилегающий непосредственно к рекам ландшафт

не затрагивали, что поймы на всем протяжении трассы канала использовались в сельскохозяйственном отношении приблизительно одинаково, получаем возможность ограничить исследование изучением единственного направления антропогенизации прибрежного ландшафта — его изменениями при строительстве Ивановского канала. С учетом того, что объектом исследования в этой статье является в первую очередь ландшафт культурный, полагаем допустимым считать его в данном случае условно однородным.

Но какой ландшафт породила его антропогенизация в ходе строительства канала — культурный или техногенный?¹⁰ Можно привести аргументы в пользу обоих ответов. Нам представляется, что типологическая идентификация ландшафта должна зависеть от того, какие его черты предполагается выделять и рассматривать. Выбирая в данном случае слой историко-культурный, относим и трансформированный строительством канала приречный ландшафт к культурным.

Заметим, что именно культурный фактор сыграл роль первотолчка в запуске проекта канала и, соответственно, в преобразовании ландшафта. Петр I имел довольно смутное представление о природной среде, которую, затеяв эту стройку, брался преобразовывать. Но за несколько лет до начала строительства самого первого своего канала (между притоком Волги р. Камышинкой и притоком Дона р. Иловлей) он испытал воздействие сильного культурного импульса — увидел сеть каналов в Нидерландах; а испытав, выступил переносчиком импульса в Россию: принес сюда голландский опыт преобразования среды.

В Александровскую эпоху существующий антропогенный ландшафт сам выступил источником культурного импульса, аккумулированного им столетием раньше. Предпринятая в начале XIX в. новая попытка вмешательства в среду ориентировалась на текущее состояние преобразуемой местности, а оно наследовало культурный ландшафт петровской поры. Судя по проектам шлюзов, которые намеревались строить в XIX в., их авторы, вписывая в рельеф гидротехнические объекты, старались исполь-

⁶ См.: Там же. С. 34.

⁷ См.: Жидков С. М. Исторический обзор устройства и содержания водных путей и портов в России за столетний период 1798–1898. СПб., 1900. С. 105.

⁸ См., напр.: Колбовский Е. Ю. Ландшафтоведение. М., 2006. С. 7.

⁹ См.: Там же. С. 8.

¹⁰ Имеем в виду иногда проводимое разделение, при котором под культурным ландшафтом подразумевается ландшафт, возникший в результате специально предпринятой для его создания работы, а техногенным — сформировавшийся в процессе антропогенного воздействия, независимо от того, предпринималось оно специально для изменения ландшафта или такой цели не преследовало (Там же. С. 413).

зовать существующие элементы, возникшие при строительстве канала и позже мельниц.

Продолжавшаяся полтора столетия трансформация культурного ландшафта не исчерпывалась изменением элементов, принадлежащих природной его составляющей. Она затрагивала и сферы собственно культуры — вплоть до бытовой. Одна из местных жительниц в конце XIX в. вспоминала, как преобразился культурный быт здешнего дворянства, когда в начале столетия возобновилось строительство канала: «...в то время на озере и у ближайших к нему помещиков жилось очень весело — много танцевали с инженерами».¹¹

Природные и культурные факторы, определявшие трансформацию ландшафта

Обозначив переход к исследованию совокупности сходных ландшафтных участков, отметим, что и для них степень однородности со временем меняется. Локальные воздействия оставляют следы, распределенные в пространстве неравномерно. В ходе дальнейшей антропогенизации ландшафта неравномерность его культурного наполнения может усугубляться. Это наблюдаем, в частности, после первой остановки строительства канала в 1720-х гг. Гидротехнические сооружения поставили тогда под охрану. Но вскоре сами сторожа, предупреждая воровство, стали снимать части шлюзовых механизмов и прятать их. Сохраняя детали, целое они работоспособности лишали. Параллельно с этим шло самосогласование элементов природного ландшафта, система восстанавливалась. Реки выбирали удобные для них русла: на одних участках возвращались в старые, на других текли по каналу, на третьих создавали новые протоки, меандрировали. Процесс в целом выглядел как эволюция системы в направлении от культурного к природному. Но хотя какие-то следы культурных воздействий в ландшафте стирались, другие даже умножались (консервация и демонтаж оборудования — тоже культурная работа). Как следствие, неравномерность их пространственного распределения увеличивалась.

Трансформация культурного ландшафта — результат действия чаще всего и природных, и антропогенных факторов. Создание канала являлось актом природопользования, преследовало преимущественно хозяйственные цели: он должен был стать звеном дорожно-транс-

портной инфраструктуры. Задачами хозяйственного развития определялись и последующие вмешательства в систему: строительство сооружений водозаборных, очистных, мельниц с их гидротехническими сооружениями, создание искусственных водоемов (водохранилищ, прудов) разного назначения, устройство дорог и мостов, мелиоративные работы. Человек вмешивался в ландшафт вдоль всей трассы канала. В некоторых местах вмешательство изменило систему радикально. Так, устройство Шатского водохранилища уничтожило историческое Иван-озеро с его берегами, поглотило участки выходящих из озера искусственных русел (особенно значительно на Шате). В более позднее время добыча угля открытым способом (на Ушаковском и Кимовском угольных разрезах) существенно изменила окрестности Донского участка канала — их ландшафт, если не собственно прибрежный, то к нему примыкавший.

Воздействие на ландшафт факторов культурной природы имело место не только в петровское время. Показательна ситуация после второй остановки работ на канале. Хотя об окончательном закрытии проекта объявлено еще не было, местные власти видели в шлюзах остающийся без употребления материальный ресурс и были не прочь использовать его на текущие нужды. Например, на нужды культурной пропаганды. Отправленному в 1827 г. на трассу канала губернскому землемеру И. А. Витовтову было поручено искать там камень для сооружения памятника великому князю Дмитрию Донскому.¹² Последующее решение считать канал упраздненным водным путем сопровождалось указаниями об использовании казенного имущества: что возможно — использовать или продать, остальное отдать безвозмездно местному населению.¹³ Как результат, шлюзы превратились в каменоломни (по сути, часть природного ландшафта), каковыми продолжали оставаться вплоть до начала XX в. При археологических работах в 2019 г. на Иванореченском шлюзе обнаружили лишь нижний ряд каменных блоков, составлявших некогда стену шлюзовой камеры: прочее разобрали заготовители камня.

И природа, разрушавшая сделанное человеком, и человек, видевший в унаследованном от предков лишь хранилище строительного материала и готовый запасы опустошить, — не согласуя действия, оба актора влияли на ландшафт

¹¹ Миловидов А. И. Указ. соч. С. 34.

¹² ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 621.

¹³ См.: Миловидов А. И. Указ. соч. С. 37.

в одном направлении — восстанавливали баланс экосистемы.

Сходные процессы наблюдаем позднее и в ближайшей окрестности берегов Дона. Здесь в XX в. шахтным и открытым способами добывали бурый уголь. Дон в его верховье был окружен многочисленными терриконами и обширными карьерами. На испытанных сильнейшее влияние промышленной деятельности территориях сформировался техногенный ландшафт. Но начавшееся в 1960-х гг. снижение добычи в Подмосковном угольном бассейне (из-за расширения использования газа и мазута) привело в конце века к закрытию местных предприятий этой отрасли. В 2009 г. была остановлена, а в 2010 г. затоплена последняя шахта Подмосковного бассейна (близ пос. Грицовского Веневского района); остановилась и открывающая добыча. Оставшиеся на поверхности машины и механизмы были обращены в металлолом и утилизированы. Естественным образом заполнившиеся водой карьеры к настоящему времени представляют собой озера, окруженные участками молодого леса. С 2010-х гг. они становятся набирающей популярность рекреационной зоной.

Формы отражения в ландшафте культурной деятельности

Обусловленные человеком изменения ландшафта имели различную форму. Для пространства, затронутого строительством водной дороги, важнейшими являлись:

1. Локальные изменения типа ландшафта. По суше прокладывались новые водотоки, в границах которых сухопутный ландшафт сменялся водным.

2. Изменения рельефа. Появлялись искусственные выемки, насыпи (дамбы), возникали штабеля грунта, предназначенного для их постройки. Могла меняться стратиграфия почвенного слоя: от лагерей строителей оставался культурный слой, позднее погребавшийся аллювиом. Позже в том же направлении (создания выемок, насыпей, прудов) рельеф меняло строительство мельниц. Связанный с одной из них канал (ныне сухой) можно наблюдать вблизи д. Починки. Остатки сложной водной системы, включавшей пруды на притоке Дона, выявлены в районе деревни Лупишки.

3. Вызванное изменением влажности местности развитие биоценоза.

В отдельных случаях все это приводило к сильному изменению облика ландшафта.

Нам, однако, представляется непродуктивной чрезмерная концентрация внимания на «физиономии ландшафта» — принципе, согласно которому ее фиксация «есть основа географии».¹⁴ При такой операции, как прокладка русел по сухим местам, говорить о радикальной трансформации даже природного ландшафта все же не приходится. Наблюдаются локальное изменение границ ландшафтных зон, частичная их эволюция. Большее по площади обводнение территории произошло при строительстве Шатского водохранилища, но с проектом Ивановского канала оно не связано.

Изменения ландшафта, порожденные воздействиями на среду, показали разную устойчивость к стирающей их энтропии, но с течением времени все их следы так или иначе угасали. Гидротехнические сооружения не использовались, постепенно разрушались природой (сезонными паводками) и человеком (начав с демонтажа деталей, шлюзы разобрали до фундамента). Хотя строительство канала открыло одно из окон, через которое могла идти диффузия инноваций (их предлагали специалисты, осуществлявшие техническое сопровождение работ), привнесенное не укоренилось. Побывавший на трассе канала в 1703 г. К. де Бруин видел вблизи Иван-озера ветряные мельницы для добычи ила, перерабатывавшегося в торф.¹⁵ (Заметим, что перед нами одно из первых упоминаний о попытках организовать в России добычу нового горючего материала.) В хозяйственной практике населения этот опыт не закрепился. Проезжавший по этим местам в 1769 г. И. А. Гильденштедт упомянул, что местные жители торф не используют.¹⁶ Строительство канала на экономику края не повлияло.

Культурный ландшафт в восприятии человека: что влияло на восприятие

С изменением ландшафта менялся его образ в сознании деятеля и наблюдателя. Заметим, что одномоментное восприятие культурного ландшафта во всей полноте невозможно уже в силу сложности его структуры. Для считывания культурных следов необходима «настройка» реципиента на слой, в котором они развернуты. Она определяется и психо-физиологическими его качествами, и социально-культурным обликом,

¹⁴ Нееф Э. Теоретические основы ландшафтоведения. М., 1974. С. 43.

¹⁵ См.: Де Бруин К. Путешествия в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 112.

¹⁶ См.: Копелевич Ю. Х. Иоганн Антон Гильденштедт. 1745–1781. М., 1997. С. 20.

а следовательно, традицией, которая хранит и интерпретирует историческую информацию.

Видов источников, которые могут фиксировать представления о ландшафте, немало. Однако в нашем случае их круг довольно ограничен. В источниках личного происхождения интересующих нас упоминаний не выявлено. Судить о восприятии связанного с каналом ландшафта представителями образованной публики XIX в. в некоторой степени позволяют сочинения краеведов той поры. Сложнее определить, осознавало ли историко-культурную его составляющую население менее просвещенное. Е. Ю. Колбовский полагает, что «почти все или во всяком случае многое из того, о чем говорится в этой книге [его труде о ландшафтоведении — *И. Ю.*], уже полтора-два века назад достаточно хорошо представляли себе российские крестьяне, речные лодчаны, охотники и другие, казалось бы, “неученые” люди». ¹⁷ Можно ли то же самое утверждать в отношении культурных ландшафтов? Культурный контекст, связанный с историей местности, для ее населения, несомненно, существовал: его отражают предания и легенды. Упоминания о них находим в сочинениях тех же краеведов. Так, из работ А. И. Миловидова мы узнаем о предании, «запомнившем о проходе судов через Иван-озеро», а также о «глухой молве» насчет посещения озера кроме Петра I еще и императрицей Екатериной II. Тот же автор сохранил свидетельство об оживлении провинциальной жизни при строительстве шлюзов в александровское время. ¹⁸

Всякое упоминание о канале актуализировало тему, извлекая ее из латентной памяти, иногда обогащая — дополняя и развивая. Некоторые акты письменной фиксации допустимо рассматривать как коммеморацию — осознанную деятельность по увековечению событий прошлого. ¹⁹ Сообщение И. Ф. Афремовым о посещении Петром I Куликова поля и его внимании к древним деревьям Зеленой дубравы напоминало не только о существовавших в то время (1849) остатках достопримечательного природного объекта, но через них — и об упомянутых им приездах Петра I на строительство канала. Актом коммеморации являлась и установка местным помещиком С. М. Власовым в принадлежавшем ему с. Иванькове памят-

ника (обелиска) в честь посещения этого места Петром I. В надписи на нем было отмечено, что это произошло, когда царь возвращался «с канальных работ на Иваново-озере». ²⁰ Но коммеморация посредством памятника ²¹ — особенно ярко выраженная реакция на присутствие в актуальной памяти исторического сюжета — случай, для этой локации уникальный. Основной формой его презентации в культуре памяти было отражение в литературе и периодических изданиях, прямой цели увековечения часто не преследовавшее.

Как видим, местный социум сохранял воспоминания о канале, но за недостатком свидетельств надеяться реконструировать на их основе целостную картину не приходится. Единственное, что можно утверждать точно, — что социального забвения его истории не произошло. В этой связи отметим два обстоятельства.

Первое. Конечно, каждое из упоминаний канала и истории его строительства в публикациях и документах XVIII–XX вв. фиксирует отражение темы в первую очередь в индивидуальном сознании пишущего. Но одновременно свидетельствует о том, что историческое событие не выпало из памяти общества в целом.

Второе. В культуре памяти сосуществуют два противоположно направленных процесса: забывание прошлого и деятельность по его закреплению, а иногда и восстановлению в памяти. Любое обращение к забываемому косвенно содействует его припоминанию. Факты связанных с каналом (историей его строительства и текущим состоянием объектов) запросов вышестоящих государственных учреждений, адресованных учреждениям местным, говорят и о эпизодически актуализирующейся памяти о нем, и о том, что, помня о событии в целом, связанные с ним подробности забывали. Характерно, что первый известный нам запрос, касающийся истории канала, был послан из Сената еще в 1711 г., когда строительство водной дороги шло полным ходом. ²²

Актуальность памяти о историческом событии определяется интерференций указанных процессов. С одной стороны, посылка чиновников (в 1826 г. архитектора Нежданова, в 1827 г. землемера И. А. Витовтова) для осмотра мест по трассе канала с целью поиска камня для монумента, посвященного другому

¹⁷ Колбовский Е. Ю. Указ соч. С. 10.

¹⁸ См.: Миловидов А. И. Указ. соч. С. 22, 29, 34.

¹⁹ См.: Святославский А. В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М., 2013.

²⁰ Миловидов А. И. Указ. соч. С. 12, 13.

²¹ См.: Святославский А. В. Указ. соч. С. 29.

²² РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 156. Д. 38. Л. 384–384об.

событию.²³ О канале, как мы видим, помнят, хотя памятником не считают и о сохранении не заботятся. С другой стороны, установка в 1807 г. помещиком с. Ивановка упомянутого ранее памятника, отмечающего факт заезда царя, возвращавшегося «с канальных работ». Вещественный носитель культуры памяти, обелиск исправно выполнял свою функцию минимум столетие: последнее известное нам упоминание о нем относится к 1913 г.²⁴

Формированию научно-обоснованных представлений об истории канала (и, соответственно, закреплению памяти о нем) способствовало появление в 1892 г. работ местного уроженца, в то время еще начинающего ученого А. И. Миловинова. Постепенно сведения из них проникли в краеведческую литературу, нашли отражение в музейных экспозициях, однако местным населением массово замечены не были. Прибрежные дамбы и кое-где еще сохранявшиеся остатки шлюзов здешними жителями по-прежнему осознавались как ландшафт природный (шлюзы воспринимались как карьеры для добычи камня). Толчок к актуализации памяти о канале в сознании читающей части населения произошел благодаря художественной литературе.

В начале XX в. активно обсуждался вопрос соединения Волги и Дона. Статьи о нем нередко включали исторические введения, в которых упоминался Ивановский канал. Работы А. И. Миловинова прошли мимо внимания гидротехников, историю канала они освещали, опираясь на сведения, изложенные на нескольких страницах книги географа, гидролога и статистика И. Ф. Штукенберга.²⁵ В середине 1920-х гг. материалы одного из авторов, писавших о канале, гидротехника А. И. Легуна попали в руки молодого литератора, по роду основных занятий мелиоратора Андрея Платонова. Тот в это время строил на р. Воронеж, на месте шлюза Петра I (так он, во всяком случае, полагал) небольшую электростанцию. Недостроенный канал его заинтересовал, и позже, заброшенный в мрачный и голодный Тамбов, он написал повесть «Епифанские шлюзы». Историю петровского проекта Платонов знал поверхностно, мест, где происходили события, представлял лишь «в общем виде». (В главе, описывающей поездку к месту работ, есть детали, позволяющие представить ландшафт. У Платонова он скорее степной, нежели тот, какой наблюдаем в действитель-

ности.) Повесть, рассказывающая историю, во многом далекая от реальной, была опубликована в 1927 г., позднее, особенно в последней четверти XX в., неоднократно переиздавалась. Сила писательского таланта оказалась настолько велика, что оправданные в художественном тексте авторские домыслы некоторые читатели приняли за реальность. Не смогли выделить их даже ученые-естественники. В «Вестнике Воронежского университета» в серии «География. Геоэкология» была опубликована статья, авторы которой неудачу каналостроителей списали на причину, придуманную Платоновым: углубляя озеро, они якобы пробили водоупорный пласт, после чего вода ушла.²⁶

С легкой руки Платонова история Ивановского канала ближе к концу XX в. интегрировалась в культурный кругозор, по крайней мере образованной публики. Произошедшее с памятью о нем — распространение симулякра «Епифанские шлюзы» (так, по названию повести, часто именуют канал в настоящее время) — пример, демонстрирующий нарастание в культурной составляющей антропогенного ландшафта его ментального компонента. Он, разумеется, присутствовал и раньше: память о канале сохраняли предания. Но в условиях уменьшения доли коренного населения (из-за миграции, обусловленной промышленным освоением территории) и отсутствия активной работы по его историческому просвещению память о событиях петровского времени оказалась в значительной степени замещенной. Место воспоминаний, опиравшихся на реальное прошлое, заменила альтернативная история, правдоподобная (поскольку опиралась и на достоверные факты), но во многом сконструированная с участием естественной для литературного творчества фантазии.

Допустимо ли отнести описанную трансформацию к случайным событиям? Платонов мог и не написать повести о шлюзах. Но в некотором смысле соавтором писателя выступил сам исторический материал. Во всяком случае, одним из источников повести послужила оставившая след в использованных писателем текстах, сосуществующая с материальной «духовная» продуктивность антропогенного ландшафта — качество, свойственное высшей его разновидности — ландшафту культурному.

²³ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 621. Л. 42–43, 58, 60–63об.

²⁴ Там же. Т. 45. Д. 39486. Л. 182–183.

²⁵ См.: Stuckenberg J. Ch. Указ. соч. С. 495–507.

²⁶ См.: Мишон В. М., Дворниченко И. П., Кандыбко Е. В. Где начинался в древности и начинается сейчас Дон // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: География. Геоэкология. 2000. № 1. С. 169–172.

*Культурный ландшафт
как источник исторической
и историко-культурной информации*

Культурный ландшафт впитывает разную информацию о воздействиях, его формирующих. Насколько возможными является ее декодирование и считывание?

На этот и другие вопросы пытаются ответить участники экспедиций на канал, регулярно проводимых на базе государственного музея-заповедника «Куликово поле» (трасса канала проходит по границе его территории) с участием Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. Первая из них состоялась в 2003 г., с 2009 г. они проходят ежегодно. Одна из целей, остающихся для них неизменной, выявить и дешифровать в природном ландшафте черты ландшафта культурного.

Покажем когнитивные возможности привлечения полевого материала на конкретном примере — при поиске остатков шлюзов.

Для каждого развивающегося музея одной из важнейших задач является пополнение фондов по направлениям, которые определяет его профиль. Музей-заповедник «Куликово поле» является военно-историческим и природным. Ивановский канал — сюжет, находящийся на пересечении всех включенных в официальное титульное его наименование компонентов: общей истории, военной истории и природоведения. В настоящее время пополнить коллекции материалами, раскрывающими историю канала, можно единственным способом — археологическими раскопками. Единственным точно известным поселением, где происходили связанные с каналом события, является с. Иван-Озеро, ныне входящее в состав муниципального образования г. Новомосковск Тульской области. Именно здесь находилась временная канцелярия, из которой управляли работами.²⁷ Пережив свой расцвет и отдав часть территории Шатскому водохранилищу, село существует по сей день. Культурный слой времени строительства канала частично уничтожен, частично переотложен. Историческая топография поселения не изучена, в связи с чем сейчас здесь целесообразны не раскопки, а скорее мониторинг земляных работ и анализ их результатов.

Ценный материал для музея могло бы дать археологическое исследование шлюзов. Поми-

мо обнаружения вещевого материала, были бы установлены сведения о шлюзе (его размерах, конструкции, использованных материалах), что, представляя самостоятельный научный интерес (планы раннепетровских шлюзов на данный момент неизвестны), может быть использовано при создании музейной экспозиции. Но шлюзы разобраны, визуально на местности не определяются, а источники, содержащие точные сведения об их расположении, отсутствуют или не выявлены. Поэтому одной из важных задач, решавшихся в ходе многолетних полевых и камеральных работ, являлось установление их местоположения.

На сегодняшний день единственным выявленным крупномасштабным планом, на котором показаны места донских шлюзов, является созданный по результатам съемок 1768–1770 гг. и в настоящее время хранящийся в РГАДА межевой план Спасской (Бобриковской) волости, охватывающий верховье Дона от Иван-озера до с. Люторич.²⁸ Граница волости на большом участке проходила непосредственно по Дону (точнее, по заменявшему его каналу), поэтому линия его русла отображалась при межевании с использованием данных инструментальной съемки, т. е. относительно точно. На плане по линии русла Дона показаны 9 шлюзов.

Однако у плана есть недостатки, затрудняющие привязку к местности. Выявленный экземпляр является копией (следовательно, может содержать искажения), кроме того, имеет значительные утраты. Часть лакун попадает на линию русла Дона, соответственно, нельзя быть уверенным, что в этих местах не утрачены значки, изображавшие шлюзы. При реставрации некоторые фрагменты плана были склеены неудачно, с разрывами, что затрудняет измерения непосредственно по плану.

Кроме того, необходимо решить, опираясь на какие точки можно совместить межевой план с планами XX в. Берег Иван-озера точкой совмещения выступать не может: после создания водохранилища береговая линия сместилась. Овражная сеть на плане показана условно, ее элементы надежно не отождествляются. Совместить план 1770 г. с планами XX в. попытались в точке, отмечающей шлюз № 2 (Усть-Бобриковский). Это единственное место на трассе канала, где обнажен участок свайного поля, который уместно связать или со шлюзом, или с непосредственно примыкавшими

²⁷ ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 466. Л. 1.

²⁸ ГАТО. Ф. 1354. Оп. 539. Ч. 1. Ед.-хр. С-8кр. Л. 1.

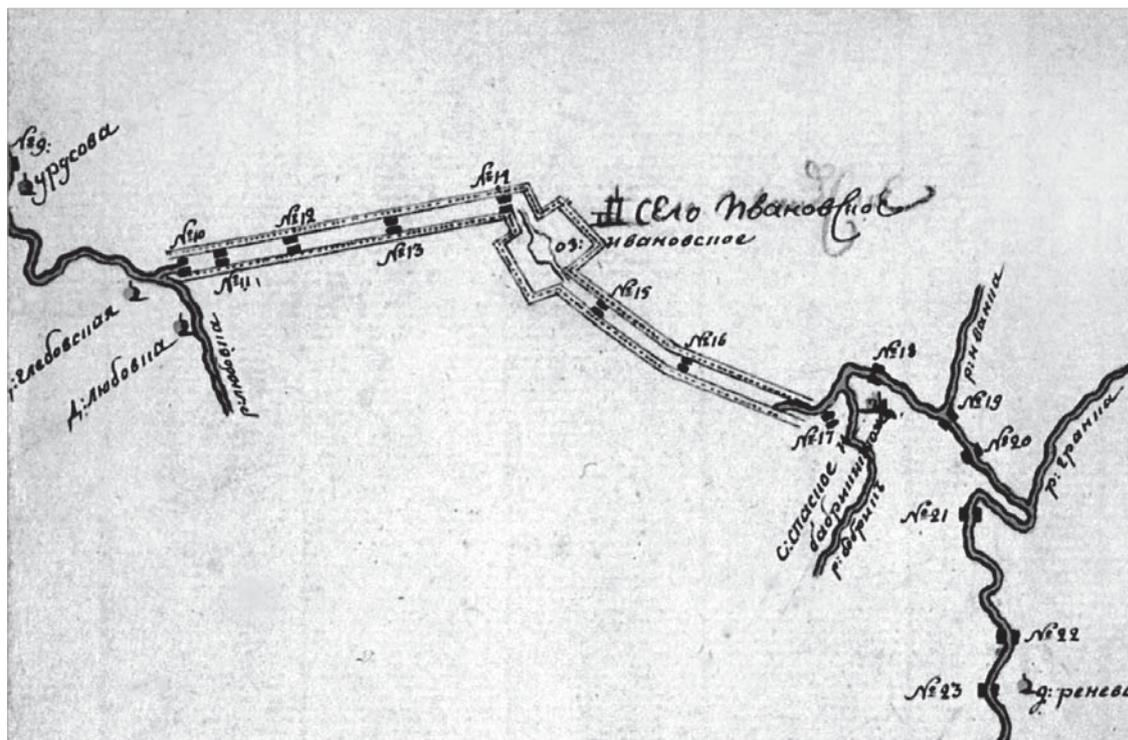


Рис. 2. План, сочиненной по указу Правительствующаго Сената зачатым каналом и шлюзам при жизни блаженныя и вечной славы достойныя Памяти Государя Императора Петра Великаго по рекам Упе, Шату и Дону, состоящих в уездах Тульского, Дедиловскаго, Крапивенскаго, Веневскаго и Елифанскаго; описан и измерен сего 1763 года. Источник: РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 24367. Воспроизведен фрагмент, изображающий центральную часть канала. Видны окаймленное дамбами Иван-озеро, выходящие из него искусственные русла, соединяющиеся с естественными руслами Дона и Шата, шлюзы на них с № 9 (в даче дер. Урусовой Веневского уезда) по № 23 (в даче дер. Ренева Елифанского уезда)

к нему земляными укреплениями. Перенесение на геодезический план расстояний между шлюзами, вымеренных по межевому плану, позволило наметить места для поиска остатков шлюзов.

Эти места были осмотрены в ходе рекогносцировочного обследования берегов Дона — прибрежного его ландшафта. При анализе картины учитывались наличие или отсутствие валов, в качестве дамб обрамлявших канал, изменение расстояний между дамбами, наличие следов дублирующих водотоков (в районе каждого шлюза некогда существовал вешняк — деривационный канал, отводивший излишек воды), характер растительности и другие характеристики ландшафта. Было высказано предположение, что места, где разбирали шлюзы, имели специфический характер рельефа между валами, ранее примыкавшими к стенам шлюзовых камер. Выборка камня оставляла после себя ямы, тянувшиеся цепочками. Если разбиравшие кладку заготовители не намеревались помимо камня извлекать деревянные брусья пола камеры, то посередине ее, вдоль длинной оси, за счет отброшенного из ям грунта образовывалось воз-

вышение. Такую картину наблюдали дважды, и оба раза последующие исследования показали, что в этих местах находились шлюзы — Иванореченский и Михайловский.

В ходе исследования ландшафта было выбрано 5 точек, на которых провели разведочное бурение. Полученные результаты за единственным исключением совпали с ожидаемыми. Было решено провести археологическое исследование Иванореченского шлюза (№ 3 на плане 1770 г.). В экспликации к плану канала, датируемому 1763 г. (рис. 2), данный шлюз имеет № 18. В ней он описан следующим образом:

«Шлюз, построенной при реке Дону в канале, ныне по осмотру явился весь развалившийся; протчих же материалов при оном ничего не имеется; также и в канале весьма малое течение воды есть. Шириною канал между берегами 12 глубиною 2 арши[н], а в шлюзах растет лес. В даче состоит Елифанскаго уезду села Спаскова, Бобрики тож, дворцовой; расстоянием от 17 до 18 шлюза по каналу — 1 [верста] 17 [саженей]».²⁹

²⁹ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 24367. Л. 1.

В августе 2019 г. на Иванореченском шлюзе была произведена археологическая шурфовка. В шурфе площадью 16 кв. м, заложенном вокруг одной из ранее пробуренных скважин, было обнаружено основание стены шлюзовой камеры, состоявшей из белокаменных блоков. Кладка уходила в стену шурфа, что позволяет предполагать продолжение стены на нескрытых участках. Два расчищенных блока были демонтированы и вместе с фрагментом еще одного, обнаруженного на поверхности, были переданы в фонды музея-заповедника «Куликово поле».

Проведенные работы подтвердили, что подход, использованный при анализе данного участка прибрежного антропогенного ландшафта, позволяет выявлять важные черты его историко-культурного содержания. В настоящее время выяснены этапы эволюции этого участка, обусловленные тем, что здесь был построен, а позже разобран шлюз. На местности обнаружены следы важнейших элементов гидротехнического комплекса: выемка и насыпи, соответствующие трассе канала петровского времени; место шлюза; линия, по которой Дон, не дойдя до шлюза, позднее ушел от него в сторону (возможно, предпочтя основному руслу вешняковский канал), что привело к осушению шлюза. Интерпретированы изменения ландшафта (задернованные ямы и возвышенности), оставшиеся после разборки шлюза, характер растительности в нем и на возвышениях. Проанализирован характер участка, на котором находилась голова шлюза (с выходными воротами), разрушенная, возможно, водами левобережного притока Дона р. Ивановки.

Следует учитывать, что по состоянию на данный момент шурфовка была произведена на единственном шлюзе, а шлюзы в некоторой степени друг от друга отличались, поскольку строились с учетом характера местности. Тем не менее с учетом данных бурения уже сейчас вырабатывается общее понимание того, каков должен быть ландшафтный комплекс (прежде всего рельеф и растительность), сформировавшийся на месте разобранного шлюза. Представляется, что этот результат не менее важен, чем обнаружение материальных остатков шлюзов.

Заключение

Как следует из вышеизложенного, культурный ландшафт берегов Верхнего Дона сформировался в первой четверти XVIII в. в ходе строительства Ивановского канала и в даль-

нейшем в процессе антропогенного в него вмешательства изменялся. В новейший период (середина — вторая половина XX в.) изменения ландшафта определялись развернувшейся на этой территории промышленной добычей бурого угля. Культурная деятельность выступала одновременно и источником, и результатом переработки ландшафта. Воздействие на среду носило преимущественно целенаправленный характер, но ожидавшийся результат достигался не всегда. Антропогенных факторов, влиявших на трансформацию ландшафта, было несколько, так же, как и форм отражения в ландшафте культурной деятельности, а в восприятии человека, в его индивидуальной картине мира — культурного ландшафта. Имело место сознательное увековечение исторических событий (коммеморация), осуществлявшееся в том числе через культурное воздействие на ландшафт (установку памятных знаков, появление предложений о заповедовании и мемориализации элементов ландшафта). Массовое представление об эволюции ландшафта могло меняться под влиянием трактовок исторических событий в художественной литературе: это демонстрирует проникновение в отражающие его источники некоторых не соответствующих действительности фактов из повести А. Платонова «Епифанские шлюзы». Изучение культурного ландшафта Верхнего Дона показывает, что он может выступать и как исторический источник. Его источниковый потенциал может быть реализован путем анализа материала, полученного при полевом изучении ландшафтов на стадиях от рекогносцировочного обследования местности до углубленного (включая археологические работы) исследования отдельных ее участков.

Культурный ландшафт, импульс к возникновению которого дало строительство Ивановской водной системы, занимает заметное место среди историко-культурных достопримечательностей, связанных с районом Куликова поля, включая территорию одноименного государственного музея-заповедника. В настоящее время в г. Епифани на выставочных площадях музея-заповедника создается экспозиция, посвященная истории Ивановского канала. Планируются мероприятия, приуроченные к 350-летию юбилею Петра Великого, готовится ряд изданий. Анализируются возможности защиты возникшего благодаря строительству канала культурного ландшафта.

Igor N. Yurkin

Doctor of Historical Sciences, S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: ig-yurkin@yandex.ru

IVANOVSKY CHANNEL: EVOLUTION OF THE CULTURAL LANDSCAPE
AND ITS TANGIBLE AND INTANGIBLE REFLECTIONS

The article considers the cultural landscape of the Upper Don shores formed under Peter the Great during the construction of Ivanovsky channel and subsequently changed in the process of ongoing anthropogenic intervention. A brief outline of the channel's history is given. Late (mid-second half of the 20th century) landscape changes due to industrial brown coal mining developed in this territory are taken into account. Cultural activities are considered both as a cause and as a result of the landscape remaking. The author identifies the sources and objectives of the impact on the environment and demonstrates its consequences. The most important anthropogenic factors affecting the transformation of the landscape are considered. The forms of reflection are listed: in the landscape – cultural activity, in the perception of man, in his individual worldview – cultural landscape. Evidence of a conscious perpetuation of historical events (commemoration), including through cultural impact on the landscape, is examined. It is shown how the mass notion of historical events has been changed, including under the influence of their interpretations in fiction (using the example of A. Platonov's story "Epiphanian gateways"). The cultural landscape is also considered as a historical source: on the material of the Upper Don it is shown what information and how can be obtained in the field study of landscapes. The data of studies conducted during the expeditions along the channel route are presented, in which the author of the article took part.

Keywords: *Ivanovsky channel, Petrine modernization, natural landscape, cultural landscape, commemoration, historical source, A. Platonov*

REFERENCES

- Gapeev A. M., Kononov V. V. [Water transport joints of Russia in 17th–19th centuries]. *Zhurnal universiteta vodnykh kommunikatsiy* [Journal of the University of water communications], 2009, no. 1, pp. 6–21. (in Russ.).
- Kolbovsky E. Yu. *Landshaftovedeniye* [Landscape science]. Moscow: ITs "Akademiya" Publ., 2006. (in Russ.).
- Kopelevich Yu. H. *Iogann Anton Gil'denshtedt. 1745–1781* [Johann Anton GÜldenstädt. 1745–1781]. Moscow: Nauka Publ., 1997. (in Russ.).
- Mishon V. M., Dvornichenko I. P., Kandybko E. V. [Where the Don began in antiquity and where it begins now]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geografiya. Geoekologiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Geography. Geoecology], 2000, no. 1, pp. 169–172. (in Russ.).
- Neef E. *Teoreticheskiye osnovy landshaftovedeniya* [Theoretical foundations of landscape science]. Moscow: Progress Publ., 1974. (in Russ.).
- Svyatoslavsky A. V. *Istoriya Rossii v zerkale pamyati. Mekhanizmy formirovaniya istoricheskikh obrazov* [History of Russia in the Mirror of Memory. Mechanisms for the formation of historical images]. Moscow: Drevlekhranilishche Publ., 2013. (in Russ.).
- Yurkin I. N. [Industrial entrepreneurship of the pre-industrial era and the transformation of landscapes: factors and objects of influence]. *Kulikovo pole. Istoricheskiy landshaft. Priroda. Arkheologiya. Istoriya* [Kulikovo pole. Historical landscape. Nature. Archaeology. History]. Tula: GUIPP "Tul'skiy poligrafist" Publ., 2003, vol. 2, pp. 324–345. (in Russ.).
- Yurkin I. N. *Petr Zheleznyy. Petr Velikiy i tul'skiy kray: fakty, gipotezy, dokumenty* [Peter Zheleznyy. Peter the Iron and the Tula region: facts, hypotheses, documents]. Saint Petersburg: Evropeyskiy dom Publ., 2012. (in Russ.).
- Yurkin I. N., Kalita S. P. [In search of the beginning of the river Don: from ancient geographers to the authors of the first card]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoy respubliki* [Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic], 2019, no. 2 (45), pp. 120–125. DOI: 10.25744/vestnik.2019.45.2.020 (in Russ.).